

АДМИНИСТРАЦИЯ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Александр Чебыкин

ГЕРОЙ ДНЕПРА

12+

КРАСНОДАР
2006

Александр Чебыкин
Герой Днепра

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Чебыкин А. Ф.

Герой Днепра / А. Ф. Чебыкин — «ЛитРес: Самиздат», 2006

Автору книги «Герой Днепра» Александру Чебыкину исполнилось всего 10 лет, когда началась Великая Отечественная война. Годы лихолетья навсегда остались в памяти впечатлительного и наблюдательного подростка. В основу сборника повестей и рассказов автора легли личные воспоминания, а также встречи с фронтовиками, совершившими подвиг во славу Отечества. Повествования от первого лица подкупает своей искренностью и непосредственностью, содержит много интересных фактов. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

Босоное детство	5
Заводила	6
Школа мужания	7
Путь к ненависти	9
Верность воинскому братству	11
Отмщение	12
Сражение за Днепр	13
Бои за новый плацдарм	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Босоное детство

Мать умирала медленно, тихо. Маленький Коля, стоя у края деревянной кровати, постоянно тормошил мать, гладил холодную руку, плача, просил: «Не засыпай, маменька, не оставляй нас, плохо будет без тебя». Младшая сестренка Тося сидела у изголовья, заглядывала в ярко-голубые полузакрытые глаза, кулачками растирала по щекам катившиеся бусинки слез.

Глаза матери еще жили, смотрели на детей с тоской, но в них была уже и отрешенность...

После похорон дом опустел. Тося сидела в уголке за печкой, всхлипывая, звала: «Мамочка, где ты, почему долго не приходишь?». Коля прятал за пазухой фотографию матери, украдкой вытаскивал и целовал. Спал в обнимку с большим шерстяным платком, в котором мать зимой ходила во дворе, управляясь по хозяйству. По ночам видел сны, как, ухватившись за руки, бегут они втроем по весеннему зеленому лугу, утопающему в ярких цветах купавицы, взлетают к облакам, и мама растворяется в небе...

Дети были малы, за ними нужен был досмотр.

Через полгода отец привел в дом женщину из соседней деревни, старую деву, не знавшую материнства. Марфа беспрестанно понукала детей, зачастую давала тычки. Отец не заступался за детей, не ссорился с Марфой, боялся, что она покинет семью. За ужином, покрикивая на детей, Марфа грозила: «Брошу, надоело. За какие грехи Бог дал мне такое испытание: кормить, одевать, обстирывать эту ораву?». Отец молчал, только крепче сжимал край столешницы, да с такой силой, что стол начинал потрескивать. Голубые глаза отца становились сталистыми.

Заводила

Домики села Белёнка рассыпались по крутому берегу Большого Иргиза – притока Волги. Село считалось зажиточным, но Николай Терентьевич Давыдов никак не мог выбраться из нужды. Когда стали образовываться колхозы, одним из первых вступил в колхоз, затем в партию. Времени на воспитание детей не оставалось. От восхода до заката отец пропадал в поле. Колхоз все крепче вставал на ноги. Николая Терентьевича сначала поставили звеньевым, затем бригадиром.

Коля рос шустрым, подвижным, самостоятельным. Был заводилой среди пацанов. В семь лет с доской под мышкой переплывал Иргиз. Доска была надежной опорой, если по пути встретится воронка, куда зачастую попадали мальцы, не рассчитав своих сил, или если ноги сведет судорога. Гоняя по песку тряпичный мяч, набитый куделей, Коля был отчаянным футболистом – на его счету всегда было больше всех забитых мячей. Под обрывом реки мальчишки соорудили перекладину из старой трубы, которую предварительно несколько дней драили напильником и наждаком. Наращивали силу, каждый день проверяя друг у друга тугие мышцы на руках. И здесь Коля был впереди всех. Если случалась заварушка – ребята с разбитыми носами бежали к Коле: он рассудит верно и сумеет помирить драчунов. Рыбалка – любимое дело сельских ребят. После смерти матери Коля часто убегал на речку, где под камнями ловил налимов и выронов. Научился кресалом и трутом разводить костер. Завернув добычу в лопух, зажаривал ее в золе. В семь лет научился плести лески, знал, какой волос надо выдернуть из конского хвоста. Мастерил рыболовные снасти. Гнул, расковывал, закалял крючки. На столе не переводилась рыба, мачеха стала реже покрикивать на Колю, видя, что растет смышленный парень. Перед школой он уже читал по слогам и учил своих друзей. Отец после каждой получки покупал детям книжки.

Школа мужания

В 1932 году отец отправил Колю в первый класс. Занималась с ними старая-престарая учительница, которую в школу под руку приводила взрослая внучка. Вести уроки ей было трудно, но преподавателей не хватало. Первого сентября 1933 года директор школы завел в класс худенькую, бледную, курносую девчонку с конопушками на щеках, подстриженную под горшок. Сказал ребятам: «Это ваша классная руководительница, она будет вас учить дальше, зовут ее Татьяна Ивановна». Ребята удивленно смотрели на нее и думали: «Какая она Татьяна Ивановна, она Таня».

Татьяна Ивановна приходила в школу аккуратной, голубая кофточка с заплатами на локтях и серая юбочка были всегда отглажены. В один из дней Татьяна Ивановна зашла в класс, придерживаясь за парты, устало села за учительский стол, но когда после звонка стала подниматься – покачнулась и упала. В беспамятстве шептала: «Хлебушка, хлебушка». Коля побежал к питьевому бачку, набрал кружку воды и стал брызгать ей в лицо. Татьяна Ивановна открыла глаза и проговорила: «Извините, дети». Ребята помогли ей встать и гурьбой повели домой. Учительница жила в домике на окраине села Хозяева уехали в город, и председатель сельского Совета определил ее на постой в этот дом.

Татьяну Ивановну уложили на железную кровать, застеленную серым солдатским одеялом. Коля заглянул в стол, на полки – кругом шаром покати. В тумбочке нашел мешок с несколькими зернами пшеницы, из которой Татьяна Ивановна, деля зерно по горсточкам, во дворе на таганке варила кашу. Каждый месяц полпуда пшеницы выписывали в правлении колхоза Татьяне Ивановне на пропитание. Но к концу срока мешочек оказывался пустым. Последние несколько дней Татьяна Ивановна пила только кипяток, бросая туда горсти рябины или корочки сушеных яблок.

Коля дал команду: «Девчата, по домам и тащите у кого что есть съестного». Сам с ребятами пошел за село, там набрали хворосту и будылей кукурузы и, перевязав брючными ремнями и бечевками, притащили в дом. Натопили печь, накрыли стол. Коля сбегал домой, принес кринку молока. Усадили Татьяну Ивановну за стол и стали потчевать. Татьяна Ивановна обнимала ребят, и крупные слезы падали в кружку с молоком. Спросила: «Можно я все это оставлю на потом? После голода нельзя наедаться досыта». Ребята, перебивая друг друга, закричали: «Татьяна Ивановна, мы решили, у кого есть корова, по очереди каждый день приносить вам кружку молока, по кусочку хлеба и у кого что есть. Татьяна Ивановна, не беспокойтесь, мы поговорили с родителями, они знают об этом». После этого корзина, стоявшая на столе в углу класса, заполнялась продуктами.

Через пару месяцев Татьяну Ивановну было не узнать. Щеки порозовели и округлились, волосы подросли, она заплетала их в две косички, что смешило ребят.

Весной Татьяна Ивановна вместе с учениками сажала огород. Колин отец, теперь уже председатель колхоза, где-то достал для нее козу и пару курочек, завез два короба кукурузных кочерыжек для топки печи. Татьяна Ивановна бегала с ребятами на рыбалку, играла с ними в футбол. На фронте в минуты затишья Николай вспоминал эти чистые и светлые дни.

Коля учился прилежно, старательно выполнял домашние задания, на уроках был весь внимание, и хотя на переменах ходил колесом, директор школы ставил его в пример. После пятого класса в летние каникулы отец стал привлекать его к работе по посадке деревьев в создаваемых лесополосах.

В 1938 году, в связи с переводом отца на новое место работы, семья переехала в город Пугачев. Здесь Коля успевал участвовать во всех школьных мероприятиях. Руководил спортивной секцией, был капитаном футбольной команды. На зимних и летних спартакиадах города он и его друзья занимали почетные места. Принимал активное участие в художествен-

ной самодеятельности, виртуозно играл на балалайке. Но любимым его занятием было плавание и прыжки с десятиметровой вышки.

Когда посмотрел фильм «Чапаев» (а ребята, бегая в соседние села, умудрялись смотреть его по несколько раз), другие увлечения отошли на второй план. Чапаев стал любимым героем в играх. Право командовать Коля взял на себя. На берегу Иргиза сооружались окопы, насыпался бруствер. Из досок, реек, палок мастерились винтовки. Из старого плуга, труб, самовара создавался пулемет, который громко тархтел, пыхтел и выпускал искры. На железную бочку без дна натянули бычью шкуру – и барабан готов. Был свой Петька – Колин друг Валера Серегин и, конечно, пулеметчица Анка – Тося, сестра Коли. Никто не хотел быть в числе белых. Бросали жребий. В старое ведро насыпали белые и серые камушки, окатыши с берега реки. Кто вытаскивал белый – тот беляк, кто серый – тот чапаевец. Белые отходили к берегу, метров за четыреста. Коля взмахивал флажком. Барабан начинал монотонно стонать. Капелевцы выстраивались в плотный ряд и под оглушительные звуки барабана с винтовками наперевес двигались на чапаевцев. Нервы чапаевцев на пределе, метров за сто до подхода белых чапаевцы с криками «ура!» выскакивали из окопов, держась по пять-шесть человек за жердь. Мчались вперед, оттесняя капелевцев к реке. Тут уже на помощь кидались зрители – малыши и взрослые, крича: «Дави гадов!». Капелевцев загоняли по шею в воду и, довольные, возвращались на исходные рубежи, возбужденно обсуждая: «Как мы им дали!». Каждый раз перед началом игры Коля просил: «Без моей команды в атаку не подниматься». Но это было бесполезно. Кто-нибудь выскакивал из окопов или подбегали зрители, крича: «Чё лежите, бей беляков!».

1941 год. Закончен девятый класс. Коля бежит домой с кучей похвальных грамот: за отличную учебу, за участие в самодеятельности, за гимнастику, за первенство города по плаванию, за меткую стрельбу.

Путь к ненависти

Днем 21 июня прибежал домой отец: «Война, сынок, война надолго, враг силен и опасен, объявлена всеобщая мобилизация». 24 июня, в день 17-летия Николая, семья прощалась с отцом. Отец наказывал: «Смотри, Коля, если придет и твой черед, не посрами семью и род Давыдовых. Мы с честью и славой служили России, твой дед Терентий завоевывал и устанавливал Советскую власть. Не было бы этой власти – не был бы я, крестьянский сын, председателем колхоза, а батрачил бы на какого-нибудь пузана. Вы с сестрой выросли и выучились, у тебя девять классов, а у сестры – семь. Иди и учись, все дороги открыты. Сестра уже помощница по хозяйству. 15 лет – можно сказать, невеста, тебе 17 – по крестьянским обычаям – мужик. Марфу берегите, хоть и не родная кровь, но она вас вырастила, выходила, малыши ведь остались без матери, сейчас здоровье у нее неважное».

За неделю Николай повзрослел, почувствовал себя главой семьи, ответственным за дом. Игры были заброшены, рыбалка – только по необходимости. Надо было запастись топливом на зиму, кормом для коровы. Здесь, в Пугачеве, из-за плотности застройки пришлось отказаться от крестьянского хозяйства, оставили только корову.

Враг захватил Прибалтику, Белоруссию, Украину, подходил к Воронежу, шли бои за Ростов. Война приближалась к дому,

В первый день занятий осенью 1941 года в школе зачитали приказ военного комиссара области: «Все допризывники мобилизуются на оборонные работы». Зачем-то всем выдали противогазы. Объявили, что выезд в шесть часов утра от школы.

Утром десятка два полуторок потянулись за город, в сторону Саратова, на Лысые горы. Каждому отряду был определен участок работ. Рыли противотанковые рвы шириной и глубиной по два метра, за ними окопы для пехоты, в полный рост. Грунт – спрессованный известняк, работать приходилось ломом и киркой. К вечеру ломило спину, рябило в глазах. От рукавиц, которые выдавали перед работой, оставались одни лохмотья. Спали в палатках. Кормежка была не ахти: утром перловая каша, чай и ломоть хлеба, в обед – густой суп из баранины и перловки, вечером долька селедки, хлеб и несладкий чай. После разгрома немцев под Москвой, по окончании работ на укрепрайоне в январе 1942 года старшеклассников отпустили домой. Был приказ Сталина дать возможность окончить десятый класс.

В старый Новый год семья Давыдовых получила похоронку на отца: «Давыдов Николай Терентьевич, политрук стрелкового батальона прорыва, погиб в наступательных боях под Волоколамском».

23 февраля в школу пришел райвоенком и зачитал приказ о награждении орденом Красной Звезды выпускницы пугачевской школы 1941 года Наумовой Юлии, радистки десантного батальона. Девушка погибла в боях за оборону Москвы. Вручать награду было некому. В июне 1941 года вся семья добровольцами ушла на фронт, хотя отец Юлии – офицер запаса, танкист, раненный на Халхин-Голе, – был освобожден по болезни. Мать – врач, начальник санчасти полка – погибла под Ельней. Орден передали директору школы. Коля с пятого класса был влюблен в Юлию, отличницу, непоседу, организатора вечеров в школе, с толстой русой косой и большими серыми глазами. Юлька об этом знала, поэтому всем поклонникам давала отбой, объясняя: «Мой жених скоро подрастет», – и трепала Колю за непослушный вихор пшеничных волос. Девушка часто приводила на берег реки, когда Коля рыбачил, садилась рядом, молчала, вглядываясь в быстрые струи воды. Потом обнимала Колю за плечи и шептала: «Ну, Коленька, любовь моя, я пошла, хорошо?». У Коли замирало сердце, слова застывали в горле, лицо становилось пунцовым, и он кивал головой. Потом долго прислушивался к замирающим шагам Юлии, боялся обернуться – стыдился ребят.

Впервые после смерти матери Коля разревался навзрыд, локти стучали о парту. Директор, сгорбленный, седой старичок, подошел, обнял: «Не плачь, солдат, скоро отомстишь за отца и Юлию. Она перед отправкой на фронт заходила ко мне и просила передать: «Если погибну, скажите Коле, что я его любила больше жизни». После этого сообщения Николай стал молчалив, задумчив. В голове беспрестанно билась одна мысль: «Отомстить, отомстить за отца, за Юлию, за родных и близких. За поруганную землю». Каждый вечер бегал в тир и тренировался в стрельбе, пока не стал выбивать тремя пулями три десятки.

Как только Николай сдал выпускные экзамены, он пришел в военкомат и стал проситься на фронт, на что ему ответили: «Подожди месяц, в августе очередной набор в Пугачевское артиллерийское училище, у нас нехватка призывников со средним образованием». Николай, подумав, согласился: отца нет, в доме останутся две женщины, надо подготовиться к зиме.

Верность воинскому братству

В июле 1942 года немцы начали мощное наступление в районе Ростова-на-Дону, прорвали фронт севернее города по Северскому Донцу и Дону. Одна группировка войск рвалась к Сталинграду, другая – на Северный Кавказ. Немецкие самолеты бомбили Саратов. В августе по ночам за Волгой было видно полыхающее небо. Фашисты подходили к Сталинграду.

Началась учеба в военном училище по сокращенной программе. Готовили офицеров противотанковой артиллерии. Все школы города были переоборудованы под госпитали, а родная школа Николая была передана под военное училище, в котором он сейчас учился. Курсанты в редкие выходные дни посещали госпитали. Местные ребята успевали забежать домой, чтобы прихватить для раненых что что мог: тетради для писем, махорку, яблоки из зимних запасов. В госпиталях увидели тяжесть войны воочию. Солдаты и офицеры рассказывали о зверствах фашистов на захваченных территориях. Николай видел, как изменился город. Рабочие заводов не отходили от станков по 10-12 часов. Хлеб выдавали по карточкам, запасы горожан быстро истощались. Знакомые сообщали горестные вести о гибели родных, близких, товарищей, соучеников.

Первоначальная бравада скоро улетучилась из сознания, было одно желание: быстрее освоить технику и вооружение, которое они изучают.

В марте 1943 года младший лейтенант Давыдов Н.Н., успешно окончив училище, был направлен в 419-й отдельный истребительный противотанковый дивизион 203-й стрелковой дивизии на должность командира огневого взвода. Дивизия была сформирована в марте 1942 года в станице Лабинской Краснодарского края и уже имела опыт боев: форсировала реку Дон в районе хутора Верхне-Матвеевского, захватила плацдарм и удерживала его, чем отвлекла на себя часть войск противника, прорывающихся к Сталинграду. Дивизия участвовала в окружении и разгроме немцев под Сталинградом в составе Донского фронта. Вместе с Николаем в дивизион попали его земляки Партус Сергей и Французов Валерий.

Сердца солдат и офицеров дивизии переполняла ненависть к врагам, люди готовы были идти на самопожертвование, чтобы отстоять честь и свободу своей Родины. Дивизион состоял из трех батарей 45-мм орудий и роты ПТР. Солдаты эти орудия называли «прощай, Родина», так как их пробивная способность была незначительной, они поражали только легкие танки, а у средних – бортовую броню. Противотанковые батареи были в составе полков и использовались на танкоопасных направлениях. Расчеты орудий были дополнительно вооружены противотанковыми гранатами и бутылками с зажигательной смесью.

Младший лейтенант Давыдов представился командиру батареи старшему лейтенанту Краснокутскому, высокому, ладно скроенному, лобастому, с аккуратно подстриженными усами, с двумя орденами Красной Звезды на груди. Давыдов уже знал, что старший лейтенант воюет с начала формирования дивизии, среди солдат славится бесстрашным, строгим командиром, солдаты и офицеры любят его за расторопность и распорядительность. Командир батареи спросил: «Не крещен еще боем? Ну да что я спрашиваю – совсем еще малец». Николай смолчал, но при следующем вопросе: «Стрелять умеешь?» – выпалил: «Товарищ старший лейтенант, между прочим, я лучший стрелок района по пулевой стрельбе, а на экзамене по огневой подготовке поразил все цели на «отлично». – «Смотрел твою характеристику, думаю, не подведешь батарею, иди, принимай взвод».

Отмщение

В марте части дивизии входят в район Боково – Антрацит, а затем передислоцируются через Ворошиловград в район Каменское – около города Старобельск. В период мая-июня дивизион перевооружается 57-мм и 76-мм пушками. Вторая батарея вооружается 57-мм пушками. В конце августа-начале сентября дивизия ведет кровопролитные наступательные бои на Северском Донце – в районе Голой Долины. Временами в воздухе находилось более сотни самолетов противника. Артиллеристы чаще гибли от огня авиации, чем от поединков с танками. При передышках артиллеристы говорили: «Лучше бы с танками воевать: их видишь, чувствуешь на собственной шкуре, ведешь бои на равных. А тут сыплет сверху – никуда не спрячешься, окопчик зачастую становится могилой». Расчеты пушек в течение двухнедельных боев почти полностью поменялись. Николай удивлялся, кто и что бережет его в этом вихре огня и металла. Молодой офицер мужал, впереди был жестокий враг, и его надо было уничтожить.

Из характеристики на награждение младшего лейтенанта Давыдова Н.Н. медалью «За отвагу»:

«В районе Голая Долина взвод Давыдова Н.Н. вместе с наступающей пехотой первым ворвался в село, уничтожив пять огневых точек, захватив гусеничный тягач. 23 сентября в районе Капговка взвод Давыдова Н.Н. уничтожил три пулеметные точки и более 20 солдат противника. Младший лейтенант Давыдов Н.Н. лично прямой наводкой уничтожил огневую точку».

Кстати, захваченный в бою под Голой Долиной гусеничный тягач верой и правдой служил батарее до конца войны.

25 сентября батарея получила приказ поддержать танковый батальон в наступлении. При атаке два наших танка были подбиты. Давыдов засек немецкую батарею 85-мм орудий. Развернул свои пушки и прямой наводкой расстрелял батарею противника, уничтожив личный состав, захватив орудие, которое было передано в третью батарею. Танки, прорвав оборону немцев, устремились вперед. Противник начал с правого фланга контратаку. Впереди справа была болотистая местность, через нее тянулась гать с мостиком посередине. Когда первый танк выскочил на мостик, Давыдов сам стал за орудие, прицелился – и танк с перебитой гусеницей развернулся на мостике, закрыв дорогу остальным машинам. Это был первый подбитый младшим лейтенантом Давыдовым танк. Огнем батареи были подбиты еще два танка, остальные попятись. Танковая контратака была сорвана. Пехота успешно овладела селом Краснопольское.

Сражение за Днепр

419-й отдельный дивизион, приданный 610-му полку, второй день был на марше, сминал отдельные очаги сопротивления противника. Вражеские войска, боясь повторения Сталинграда, спешно отступали за Днепр. Был приказ форсировать Днепр с ходу, чтобы отступающим немецким частям не дать возможности закрепиться на правом берегу.

27 сентября в двух километрах от излучины Днепра, в районе села Вовничи, под обрывистым берегом речушки командир дивизиона капитан Чкаусели собрал офицеров и зачитал директиву Ставки Верховного Главнокомандования от 9 сентября 1943 года о представлении к награждению за форсирование водных преград. Было объявлено: кто при форсировании Днепра проявит смекалку и мужество, чья часть первой займет плацдарм на правом берегу и удержит его до подхода основных сил – те будут представлены к званию Героя Советского Союза. Капитан предупредил, что надо быть готовыми к переправе на подручных средствах – лодках, плотках. Напомнил, что правый берег Днепра крутой, местами обрывистый, что, по разведанным, вдоль Днепра идет сплошная линия обороны противника, в несколько рядов траншеи, проволочные заграждения, сплошные минные поля. Командирам батарей приказал установить взаимодействие с командованием подразделений, которые они будут прикрывать при захвате плацдарма. Отдав приказ приступить к подготовке форсирования Днепра, командир дивизиона отпустил офицеров во вверенные им части.

Батарея старшего лейтенанта Краснокутского должна была поддерживать 1-й батальон 610-го стрелкового полка. Командир батареи, проверив готовность личного состава к переправе, собрал батарейцев под старым вязом. Зачитал приказ, поставил задачи оружейным расчетам. Предложил старшине разлить трехдневную норму спиртного по фляжкам, но приказал: «Перед боем не употреблять, только после переправы. Вода холодная, земля сырая после дождей, на том берегу спирт пригодится больше».

Пожилые солдаты, сержанты обменивались адресами, выцарапывая их на котелках и ложках. Давали друг другу клятвы в случае гибели сообщить родным, а после войны помочь семье в воспитании детей, навестить старую мать. Обменивались на память фотографиями, кисетами.

В час ночи поступил приказ выдвинуться на исходный рубеж. Чтобы не гудели моторы тягачей, пушки катили к берегу вручную с помощью пехотинцев. Уже на самом берегу измотанный последними боями Давыдов прилег на плащ-палатку и провалился в такой глубокий сон, что связной от командира батареи долго не мог его разбудить. Придя в себя, Николай спросил: «Что случилось?» – «Вас срочно к командиру». В палатке при свете фонариков командир батареи рассматривал карту, разложенную на ящике из-под снарядов. Попросив Давыдова подойти поближе, комбат стал разъяснять боевую задачу: «Сейчас на лодках отправляем разведчиков – и от пехотинцев, и от артиллеристов. Их задача – разведать огневые точки врага, расположение окопов от уреза воды. Задача взвода лейтенанта Давыдова прикрывать их и закрепиться на том берегу. Вам передают роту солдат и десятерых артиллеристов, на случай выбытия расчетов из строя. Вы форсируете Днепр первыми». Под ложечкой засосало, мысли бежали одна за другой, боялся, что могут подбить понтон на переправе, тогда пушки и расчеты окажутся в воде. Вода – это его стихия, он-то выплывет, а вот что делать дальше без орудий и расчетов – не миновать позора. Лишь бы выбраться на берег, хоть с одной пушкой, а там его голыми руками не возьмешь.

Катер на малых оборотах медленно тащил понтон вдоль левого берега против течения. Давыдов дал команду зарядить орудия и поставить на предохранители. Катер развернулся и под углом направился к правому берегу. На середине реки выключили двигатель, и катер с понтоном по течению стали приближаться к берегу. Метров за двадцать до берега с катера

подали команду отцепить буксировочный трос. Затем катер развернулся, а понтон по инерции двинулся к берегу и врезался в песчаную отмель. Расчеты сбросили сходни и стали спускать пушки. Палуба понтона освободилась от груза, выправилась и издала громкий «вздых». Немцы выпустили десятки ракет. Берег осветился, расчеты были как на ладони. Подбежали разведчики, разясняя обстановку. Солдаты тащили сходни к обрывистому берегу. Пока вытаскивали пушки, немцы открыли ураганный огонь. Давыдов дал команду: «Открыть огонь по фашистам!». После нескольких залпов автоматный огонь противника утих. Пехоте был дан приказ продвигаться вперед, но два пулемета – с левого и правого флангов – прижали пехоту к земле. Пулеметы били по очереди: две-три минуты один, затем другой. По вспышкам месторасположение огневых точек противника определить было трудно, однако дзот правого пулемета разведчики засекли еще ночью. Орудийный огонь быстро подавил его, но левый пулемет бил безостановочно. Два орудия стреляли по предполагаемому месту расположения пулемета. У Давыдова мелькнула мысль: «Амбразура дзота прикрыта бронированной плитой». Подбежал к первому орудью, оно в это время замолчало – командир орудия сержант Сирота Иван Максимович лежал рядом с лафетом иссеченный пулями, а лучший наводчик дивизиона Летников Степан, держась за пробитую пулей голову, сидел неподвижно у затвора. Давыдов приказал заряжающему: «Заряжай бронебойным!». Тот бестолково посмотрел на Давыдова и проговорил: «Зачем? Там нет танков, нет...». Давыдов закричал: «Заряжай, приказываю зарядить бронебойным!». Немецкий пулемет в это время перенес огонь на другое орудие. Давыдов хорошо видел вспышки, сам прицелился и выстрелил. Пулемет замолчал. Пехота ринулась к траншеям. Немцы, понеся потери от огня артиллерии, покинули первую линию окопов. Давыдов дал команду: «Пушки вперед!».

Забрезжил рассвет, но густой утренний туман окутал реку. В окопе Давыдов столкнулся с командиром роты пехоты – молоденьким, худеньким, измазанным грязью лейтенантом. Прокричал: «Жив, лейтенант?» – «Пока живой». – «Связь есть?» – «Есть рация, но повреждена, барахлит, связаться не могу». Светало. Подбежал солдатик, доложил: «Товарищ лейтенант, у берега кто-то в кукурузе шелестит». Лейтенант приказал: «Возьми свое отделение и прочеши кукурузу». Через несколько минут привели двух здоровых, упитанных немцев с рацией. Оказались немецкие разведчики, они были посланы, чтобы узнать, какие силы высадились на берег. Давыдов приказал немцев не уничтожать, хорошо связать – пригодятся, а пока по их рации, совместив с нашими частотами, передал, что плацдарм захвачен. Командир полка ответил: «Держитесь, начинаю переправу на подручных средствах». Немцы открыли шквальный огонь из дальнобойных орудий, но туман мешал вести прицельный огонь. Когда солнце рассеяло туман, солдаты уже расширили плацдарм, захватив вторую и третью линии траншей. Через Днепр наводился понтонный мост. Над мостом завертелась карусель воздушных боев. Наши истребители не подпускали немецких бомбардировщиков к переправе, но дальняя артиллерия и минометы наносили значительный урон форсировавшим Днепр войскам. Понтоны разворачивало, орудия и танки сваливались в реку. Заводились новые понтоны – и переправа войск продолжалась.

К десяти часам утра все орудия дивизиона были переправлены на отбитый у немцев плацдарм. Командир дивизиона капитан Чаусели объявил Давыдову, что будет представлять его к званию Героя Советского Союза, и передал, что командир батареи старший лейтенант Краснокутский тяжело ранен, на переправе ему оторвало правую руку. Командиром батареи назначен старший лейтенант Зуев Константин Тимофеевич. Немцы беспрестанно вели по нашим позициям артиллерийский огонь, штурмующая авиация парами заходила, бомбила и расстреливала бойцов в окопах. Наша истребительная авиация была задействована на прикрытии переправы. Поступил приказ расширить плацдарм в глубину на 5-6 километров. Дивизия натолкнулась на вторую полосу обороны, более укрепленную. Немцы оправились, подтянули резервы. Контратаки следовали одна за другой. От артиллерийского огня погиб командир батареи Зуев и

шестеро солдат. Связь не работала. Из офицеров осталось только двое – он, лейтенант Давыдов, и младший лейтенант Щербак Иван Петрович, который после окончания курсов прибыл в дивизион перед форсированием Днепра. Давыдов объявил, что командование батареей берет на себя. Николая ранило. Осколок вошел в правое предплечье и застрял в кости. Санинструктор расширил рану и пинцетом пытался вытащить осколок, но не получалось. Вызвали мастера-оружейника, который круглогубцами вытащил осколок.

Около двенадцати часов немцы прекратили огонь и контратаки. По рупорам объявили: «Ждите важное сообщение». Нам была необходима передышка, чтобы отправить в тыл раненых, пополнить боезапасы, заменить выбывшие из строя орудия. Ровно в двенадцать часов в небе появился легкомоторный немецкий самолет и стал разбрасывать над окопами листовки, где сообщалось, что немецкое командование приготовило для русских мыло и мочалки – в час дня будут купать в Днепре. Над позициями стояла гнетущая тишина, только слышался стук кирок о неподатливый фунт. Дивизия закапывалась в землю. Батарее Давыдова достался участок шириной около 70 метров. Сориентировавшись на местности, Давыдов определил, что орудия надо расположить уступом назад, так как впереди был овраг под углом к передовой. Было ясно, что танки пойдут в обход оврага, подставляя бока под удар.

Ровно в тринадцать часов услышали тяжелый надрывный гул, подумали, что это массированный налет тяжелых бомбардировщиков, но небо было чистое. В это время разведчик доложил: «Товарищ лейтенант, танки!». Давыдов в бинокль увидел выдвигавшуюся из-за холма колонну танков, которая медленно разворачивалась в боевой порядок. Насчитал 40 танков и 20 автомашин с пехотой. Фашистские чудовища подходили все ближе и ближе. Из автомашин стали выпрыгивать солдаты мотопехоты, рассредоточивались за танками.

По телефону командир полка передавал: «Будем держаться насмерть!». Лейтенант Давыдов дал команду: «Батарея, к бою! Прицел шесть! Без команды огня не открывать». Пехотинцы, находясь впереди, занервничали и стали кричать: «Артиллеристы, стреляйте! Почему не стреляете? Стреляйте!». Батарея молчала. Танки подошли к оврагу и стали обходить его, подставляя свои бока. Давыдов дал команду: «Огонь!». С первого залпа были подбиты четыре танка, следом еще два. Огонь шел и с соседних батарей, а из-за Днепра била дальняя артиллерия. Пехота стреляла из винтовок, автоматов, пулеметов, снайперских винтовок, отсекая немецкую пехоту от танков. Прорвавшиеся танки забрасывали гранатами, бутылками с зажигательной смесью. Фашисты не выдержали мощного сопротивления, начали отступать, оставляя на поле боя горящие танки, автомашины и раненых. Отошли за высоту, перегруппировались и вновь атаковали наши позиции. Вторая атака быстро захлебнулась: артиллеристы в первом бою успели пристреляться на местности, да и мощь противника была уже не та. Воинский дух немцев был сломлен, они с опаской продвигались к полю боя, прячась за подбитые танки, и как только высывались из-за укрытия, тут же попадали под прицельный огонь.

После двух танковых атак враг оставил на поле боя 24 танка, 20 разбитых автомашин, массу личного оружия. Батарея Давыдова понесла большие потери: прямым попаданием полностью были выведены из строя два расчета. Погиб друг Николая, земляк, командир орудия старший сержант Кузькин Василий Васильевич, погибли два отличных наводчика – Побасенкин Фома и Понаморов Михаил. Давыдов был ранен в шею, пуля прошла над предплечьем, слегка задев центральное сухожилие, голову развернуло влево, шея не вращалась, боль была в затылок. Трудно было говорить и двигаться. Собрал оставшихся в живых солдат батареи. Приказал раненых отправлять в санчасть, которая развернулась на берегу, под обрывом. Раненые солдаты и сержанты просили: «Товарищ лейтенант, давайте похороним боевых товарищей, попрощаемся по русскому обычаю, а потом уже кто в госпиталь, кто в санчасть. Мы стали одной семьей, воюем вместе полгода, идем с боями из-под Сталинграда». Поступила команда собрать убитых и похоронить. Командир дивизиона капитан Чкаусели попросил разрешения похоронить артиллеристов отдельно. Николай стоял на коленях перед лейтенантом Зуевым и

повторял: «Как же это тебя, Костя, угораздило, что скажу селянам?». Оба из одного района, только Зуев был на два года постарше, воевал с первого дня войны. Вместе окончили ускоренные офицерские курсы, дружили, делились друг с другом самым сокровенным. Лицо лейтенанта Зуева почернело от пороховой гари, курносый нос заострился. Давыдов закрыл глаза другу и, положив ладонь на его лоб, сказал: «Константин, не беспокойся, отомщу за тебя и погибших товарищей, постараюсь дойти до Берлина и пальнуть из нашей пушки по рейхстагу».

С закатом солнца немцы прекратили атаки. Капитан Чкаусели – среднего роста, со светло-кариими глазами и темно-русыми выющимися волосами, с длинными усами, которые он постоянно подкручивал, подвижный, сыпавший шутками-прибаутками, частенько повторявший, что только он – гуриец родом из города Ланчхути – истинный грузин, а остальные грузины – мингрелы, сваны, имеретинцы, кахетинцы, аджары – «наши родственники», – построив остатки дивизиона, поблагодарил всех за выдержку, выносливость, за взятие и удержание плацдарма. Капитан особенно отметил огневой взвод лейтенанта Давыдова, который вместе с бойцами пехоты первым высадился на плацдарм, расширил его и удержал до подхода основных сил. За отвагу и проявленное геройство Давыдов будет представлен к званию Героя Советского Союза. Завтра документы оформим и передадим командиру дивизии.

28 сентября немцы с утра начали усиленно бомбить боевые порядки полка. Дивизион нес потери. Николай, хватаясь за голову, кричал: «Лучше бы танки, там врага видишь, в бою выручают смекалка, выучка и смелость, а тут полное бессилие». В середине дня сообщили, что погиб командир дивизиона капитан Чкаусели. Солдаты и офицеры переживали: они любили шустрого, настырного, веселого, но требовательного командира.

Бои продолжались, о наградах тогда мало думали, была одна забота – освободить родную землю. В день 50-летия Победы бывший командир орудия старший сержант Максимов Иван Евгеньевич спросил: «Николай, а где же твоя Звезда Героя Советского Союза? Я хорошо помню, как вечером 27 сентября 1943 года перед строем командир дивизиона объявил, что будет писать представление на тебя. На другой день меня ранило, и я провалялся по госпиталям». Давыдов ответил: «Иван, сам знаешь, не до героев было, тогда на плацдарме за три дня боев от дивизиона из старослужащих осталось два десятка человек, а сейчас Союза нет, куда и кому писать, да и из дивизиона нас осталось, как видишь, двое».

4 октября 1943 года на плацдарм прибыла 8-я армия Чуйкова. 203-ю стрелковую дивизию вывели на переформирование.

Бои за новый плацдарм

Дивизия пополнялась личным составом и вооружением. Возвращались из госпиталей раненые. Давыдов каждый день бегал в штаб дивизиона и отбирал себе в батарею обстрелянных солдат: с ними спокойнее и надежнее, они и без команды знали свое дело.

10 октября 1943 года дивизию перебросили к Запорожью. Город был окружен советскими частями, но немцы оказывали отчаянное сопротивление, борясь за город как за будущий плацдарм для наступления. В уличных боях снова отличилась батарея лейтенанта Давыдова. Поддерживая пехоту, батарея уничтожала огневые точки врага – как в подвальных помещениях зданий, так и на перекрестках улиц. 14 октября 1943 года город Запорожье был взят. 29 октября дивизию перебросили южнее Запорожья – в район поселка Старый Кичкос. Форсирование Днепра началось 30 октября 1943 года. Правый берег был сильно укреплен, создана глубокоэшелонированная оборона. Левый берег был пристрелян дальней артиллерией. Фашисты понимали, что в случае захвата плацдарма южнее Запорожья их войска на выступе Днепропетровск – Запорожье оказались бы в кольце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.